

ТОМАС ЛИГОТТИ

ЗАГОВОР ПРОТИВ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Замысел ужаса

2-е издание

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 141
ББК 87.3
Л55

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с английского — Владислав Педдер.

Лиготти, Т.

Л55 Заговор против рода человеческого. Замысел ужаса. 2-е изд. — М.: Тотенбург, 2026. — 272 с.

В своей книге Томас Лиготти обращается к вопросу о смысле (или бессмысленности) жизни, выстраивая пронизательный и беспощадный аргумент в доказательство того, что величайшие ужасы таятся не в нашем воображении, а в самой действительности.

Его проза считается одной из самых пугающих в жанре хоррора, но первая документальная книга Томаса Лиготти может оказаться ещё страшнее. Опираясь на философию, литературу, нейронауку и другие области знания, Лиготти обращает пронзительный взгляд своего воображения на читателя, заставляя его столкнуться с жестокой истиной: он проживает бессмысленный кошмар, а всякий, кто полагает иначе, всего лишь тешит себя иллюзией оптимизма. Одновременно являясь и путеводителем по пессимистической мысли, и беспощадной критикой того, как человечество прибегает к самообману, чтобы справиться со всепроникающим страданием бытия, «Заговор против человеческой расы» вполне способен убедить читателей, что в этом отчаянном, но неожиданно освобождающем негативе — фирменном знаке творчества Лиготти — есть весьма ощутимая доля истины.

**УДК 141
ББК 87.3**

© Владислав Педдер,
перевод с английского, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ РЭЯ БРАСЬЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.....	8
ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМАСА ЛИГОТТИ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.....	10

ЗАГОВОР ПРОТИВ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО. ЗАМЫСЛ УЖАСА

ВВЕДЕНИЕ: О ПЕССИМИЗМЕ И ПАРАДОКСЕ	17
КОШМАР БЫТИЯ	24
Психогенез	24
До наступления смерти	25
Бодрствующие	28
Работа мозга	31
Мутация	33
Уничтожение I	35
Зомбификация.....	38
Уничтожение II	41
Самовнушение	48
Космофобия	51
Пессимизм I.....	53
Пессимизм II	58
Просчет.....	64
Аналогии	66
Жизненные принципы.....	71
Уничтожение III.....	77
Подавление.....	82
Страдание I.....	88
Страдание II	90
Экоцид	95
Безнадежность	97
Дискуссионность	101

КТО ИДЕТ?	103
Зловещее I	103
Зловещее II	105
Действующие лица	113
Подражание	117
Несуществующие	125
Неличности	135
УРОДЦЫ СПАСЕНИЯ	140
Нисхождение	140
Фурурофилия	147
Будданомика	153
Смерть Это	160
ТОШНИТ ДО СМЕРТИ	173
Безысходность I	173
Безысходность II	178
Сторонники жизни	180
Танатофобия	183
Трагедия	192
КУЛЬТ УХМЫЛЯЮЩИХСЯ МУЧЕНИКОВ	200
Узаконенный	200
Разочарование	206
Под давлением	208
ВСКРЫТИЕ МАРИОНЕТКИ:	
АНАТОМИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО	217
Атмосфера	217
Тема	229
Персонажи	239
Не-персонажи	242
Сверхъестественное	244
Сюжет	252
Конец игры	266

*Посвящается памяти
Петера Весселя Цапffe*

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Хочу выразить признательность Тиму Джески и Скотту Уэзерби за предоставленные материалы, необходимые при написании этой книги; участникам форума *Thomas Ligotti Online* и его администратору Брайану Эдварду По за участие в обсуждении ранней версии «Заговора против рода человеческого»; Роберту Лиготти за готовность выступать испытуемым, когда мне требовался четкий отклик разума, близкого к моему; и Дженнифер Гари-пи за многолетнюю поддержку и проницательные советы. Кроме того, я не могу не отметить ценные указания и труды С. Т. Джоши, Давида Е. Шульца и Джонатана Пэджетта, а особую благодарность выражаю Николь Ариане Сири за ее талант и опыт, которыми она щедро поделилась на ключевых этапах работы над этой книгой. Наконец я обязан — как и все почитатели философского пессимизма, не знающие датско-норвежского языка (риксмол), — Гисле Р. Тангенесу за переводы и исследования творчества Петера Весселя Цапффе. Ответственность за использование этих ценных материалов полностью лежит на авторе.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЭА БРАСЬЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Мы знаем, какой вердикт готовят тем, кто осмелится усомниться в общепринятом убеждении, согласно которому «быть живым — это хорошо», позаимствовав устойчивую фразу из этой книги. Тех, кто сомневается в нормативном оптимизме нашего вида, будут упрекать в неблагодарности, трусости, покровительственно наставлять за поверхностность. Там, где любовью к себе измеряют психическое здоровье, ее отсутствие непременно трактуют как признак бессилья духа. Философия, некогда презиравшая мнения, теряет самообладание, когда предметом спора становится вопрос о том, нормально ли быть живым. А одобрение жизни, надменно украшенное эпитетом «трагическое», оказывается неуязвимым к упрекам в самодовольстве, в то время как его критиков объявляют неблагодарными. «Оптимизм», «пессимизм»: Томас Лиготти оценивает эти дискредитированные слова, снимая с них патину привычности, лишившую их актуальности, и возвращая им часть их былой сути. Оптимист устанавливает курс обмена между радостью и горем, определяя ценность жизни. Пессимист, отказывающийся от принципа обмена и предписания продолжать инвестировать в будущее, даже когда валюта жизни в настоящем обесценена, клеймится как ненадежный инвестор.

«Заговор против рода человеческого» представляет, пожалуй, наиболее последовательный вызов интеллектуальному шантажу, вынуждающему нас быть вечно благодарными за «подарок», которого мы не просили. Быть живым — это не хорошо: эта простая частица «не» воплощает дерзость мысли лучше любой банальности о тра-

гическом благородстве жизни, переполненной страданием, разочарованиями и самообманом. Нет природы, достойной благоговения или воссоединения; нет «я», которое заслуживало бы восшествия на трон капитана собственной судьбы; нет будущего, ради которого стоило бы работать или на которое стоило бы надеяться. Жизнь, по беспощадному приговору Лиготти, — ЗЛОКАЧЕСТВЕННО БЕСПОЛЕЗНА.

Критики наверняка обвинят Лиготти в лицемерии, заявив, что сам факт написания этой книги продиктован жизненными императивами, которые он стремится порицать. Но такое обвинение надуманно: Лиготти открыто признает, что живым невозможно полностью вырваться из тисков жизни. Это признание не уменьшает силу его диагноза, ведь, как знает Лиготти, если жить — значит лгать, то даже говорить правду о лжи жизни будет сублимированной ложью.

Именно эта сублимация оказывается почти единственным приближением к правде, на которое способен бескомпромиссный нигилизм Лиготти. Освобожденный от унижительной покорности общественной полезности, которая сковывает большинство профессиональных философов, Лиготти в своем беспощадном разборе софизмов, придуманных апологетами жизни, доказывает, что он более проникательный патологоанатом человеческого состояния, чем любой ханжеский филантроп.

ПРЕДИСЛОВИЕ ТОМАСА ЛИГОТТИ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Во избежание любых ложных впечатлений сразу оговорю, что я — автор историй о сверхъестественном ужасе. Строго говоря, «Заговор против рода человеческого» представляет собой более чем незначительное исключение из этой практики. Тем не менее некоторые читатели данной книги могут счесть ее, по сути, принадлежащей к области сверхъестественного, странного, жуткого и тому подобного. Хотя это документальное произведение, его подзаголовок «Замысел ужаса» словно подталкивает к такому выводу. Однако у слов часто бывает два и более значений, и нет ничего необычного в том, что авторы пользуются этим при создании названия своей работы. Стало быть, обозначает ли термин «замысел» (*contrivance*) мой умысел при создании этого тома или отсылает исключительно к его предмету — грандиозному заговору, который я пытаюсь осветить, — так или иначе, семантическая неясность неизбежна.

Ближайшее происхождение «Заговора против рода человеческого» восходит к интервью, которое я дал в 2004 году, но истинное происхождение идеи гораздо более раннее, из моего детства. Ложные воспоминания есть у всех, но я не могу избавиться от убеждения, что это воспоминание истинно. Произошло это, когда мне было девять лет. Я спорил с отцом и матерью из-за какого-то ныне забытого инцидента. Конфликт завершился тем, что я выбежал за дверь нашего дома. Снаружи стояли мои друзья, они заметили мою ярость и спросили, в чем дело. Первые мои слова были оскорбительны по отношению к родителям. «Не стоит так говорить», — сделал мне за-

мечание один из друзей. Я видел, что остальные с ним согласны. «Почему?» — дерзко ответил я. И тогда прозвучал ответ: «Потому что если бы не твои мама и папа, тебя бы не было на свете».

Я задумался над простой логикой этого упрека за мои жесткие слова о родителях. Что-то в ней казалось порочным. Должен ли я благодарить предков за то, что они даровали мне жизнь, словно я был чудовищем Франкенштейна, неодушевленным конструктом, в которые они вдохнули силу? Разве до их успешных попыток ввести меня в царство живых я был лишь скоплением мертвой материи в ином измерении? Или же они спасли меня, подобно тому, как Иисус Христос умер за мои грехи, — формулировка, которая так и не захватила мое воображение, сколько бы ее ни повторяли в годы моего обучения в католической школе? Учитывая, что смерть занимала важное место в моем религиозном воспитании, подобные мысли естественно приходили в юный ум. То, что после кончины меня ждет рай или ад, было одним из догматов веры, которые я воспринимал всерьез. Но как я мог быть усопшей душой до своего рождения? Мой детский мозг, бегущий от когнитивного диссонанса, не мог принять, что я был так же мертв до жизни, как буду после того, как перестану дышать. Мне казалось нелепым, что смерть — это тиски, сжимающие мою жизнь с обоих концов. И все же я не мог полностью отвергнуть это предположение. Если не среди мертвых, то где же я существовал до того, как родители «спасли» меня? Видимо, в глазах моих приятелей это было настолько ужасное место, что они упрекнули меня за оскорбление моих «творцов».

К счастью, размышления о всей этой проблеме быстро уступили место играм с друзьями. Тем не менее я оставался поглощен неотвратимостью смерти, особенно после того, как уверенность в религиозных доктринах во мне постепенно угасла. Немного позже, разумеется, я

осознал, что мое предсуществование (*preexistent*) было не смертью, а просто небытием (*nonexistence*). Однако вопрос о том, можно ли однозначно установить, было ли это небытие хорошим или плохим, или ни тем, ни другим, был достойным философов и выходящим за пределы моих возможностей.

В позднем подростковом возрасте я начал сомневаться в относительной ценности небытия по сравнению с жизнью, даже если первая альтернатива казалась мне столь же непривлекательной, как и почти любому другому. По крайней мере в теории небытие выглядело предпочтительнее. Более того, это казалось местом, где стоило остаться. Это заметно мрачное мнение, и подобные твердые убеждения порой побуждают людей выражать их словами. Формой выражения, которую я избрал, стало написание историй о сверхъестественном ужасе, которые я начал сочинять в 1970-х. Мудрым решением было уничтожить почти все из литературных опытов моих учебных лет, оставив лишь один рассказ из того десятилетия в рукописном черновике, над которым я работал более десяти лет, прежде чем посчитал его достойным публикации вместе с другими, созданными в 1980-е. Хронологически моим «первым» произведением стал рассказ «Последний пир Арлекина» (*The Last Feast of Harlequin*). Действие происходит в маленьком городке, а сюжет вращается вокруг странного культа, превозносящего небытие и соблюдающего духовный запрет на воспроизводство человеческой жизни. Другие мои рассказы, написанные ранее и позже, основывались на схожих темах, включая «Тень, тьму» (*The Shadow, the Darkness*), где один персонаж упоминает книгу под названием «Исследование заговора против рода человеческого» (*An Investigation into the Conspiracy against the Human Race*). Эта книга, как говорится, «основывается на небытии, на воображаемой природе всего, что мы считаем собой» —

идея, которую я развиваю на страницах настоящей работы. Я почти дал тому рассказу название «Заговор против рода человеческого», не подозревая, что годы спустя напишу книгу с таким же именем на схожую тему.

Ничто из сказанного выше не должно создавать впечатления, будто эта книга была некоей судьбой или следовала предначертанному сюжету. В жизни слишком много ложных начинаний и остановок, крушений и обычных сложностей во всех ее главных аспектах, чтобы воспринимать ее как нечто иное, чем «сплошная череда несчастий», как говорится. Все, что я могу утверждать, — это то, что отобранные для этого предисловия события связаны с созданием «Заговора против рода человеческого» и в некоторой степени раскрывают своеобразный темперамент его автора, оставляя читателям полное право судить о нем самостоятельно.

**ЗАГОВОР ПРОТИВ
РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО**

Замысел ужаса

*Посмотри на свое тело —
раскрашенную марионетку,
жалкую игрушку,
Состоящую из сочлененных частей,
готовую вот-вот развалиться,
Больное, страдающее существо,
с головой, полной ложных фантазий.*

— Дхаммапада

ВВЕДЕНИЕ: О ПЕССИМИЗМЕ И ПАРАДОКСЕ

В своем исследовании «Природа зла» (*The Nature of Evil*, 1931) Радослав А. Цанофф приводит лаконичное размышление немецкого философа Юлиуса Банзена, записанное им в 1847 году, когда тому было семнадцать лет. «Человек — это осознающее себя Ничто», — написал Банзен. Можно считать эти слова юношескими или проявлением ранней гениальности, но они принадлежат древней традиции презрения к нашему виду и его устремлениям. Тем не менее господствующие настроения по поводу человеческого начинания обычно лежат где-то между сдержанным одобрением и громогласной хвалёй. Как правило, тот, кто жаждет публики или хотя бы места в обществе, мог бы воспользоваться следующим девизом: «Если не можешь сказать ничего позитивного о человечестве, скажи что-нибудь двусмысленное».

Вернемся к Банзену. Он вырос и стал философом, который не только не высказывал ничего ни положительного, ни двусмысленного о человечестве, но и пришел к мрачному выводу обо всем существовании. Как и многие, осмелившиеся заняться метафизикой, Банзен заявлял, что вопреки видимости вся реальность есть выражение единой, неизменной силы — космического движения, которое разные философы описывали по-разному. По мнению Банзена, эта сила и ее движение носят чудовищный характер, порождая вселенную беспристрастного зверства и взаимного истребления ее обособленных частей. Более того, «вселенная по Банзену» никогда не имела ни намека на замысел или направление. С самого начала это была пьеса без сюжета и без действующих лиц —

лишь фрагменты слепого, бесцельного самоуничтожения. В философии Банзена все вовлечено в беспорядочную фантазмагорию резни. Все рвет и разрывает все... вечно. И при этом вся эта суэта в пустоте остается незаметной почти для всех участников. В мире природы, скажем, никто не ведает о своей вовлеченности в кровавый пир. Лишь «осознающее себя Ничто» Банзена может постичь происходящее и содрогнуться от толчков хаоса в разгар пира.

Как и всякая пессимистическая философия, интерпретация Банзеном существования как нечто чуждого и ужасного не нашла отклика у осознающих себя Ничто, чьего признания он искал. Хорошо это или плохо, но бескомпромиссный пессимизм лишен массовой привлекательности. В конечном счете, те немногие, кто утруждал себя аргументацией в пользу мрачной оценки жизни, могли бы вовсе не рождаться. Как подтверждает история, люди меняют свое мнение почти обо всем — от того, какого бога почитать, до того, как стричься. Но когда дело касается экзистенциальных суждений, человечество в целом непоколебимо высокого мнения о себе и своем положении в этом мире и твердо уверено, что не является сборищем осознающих себя Ничто.

Следует ли тогда вовсе отказаться от порицания самодовольства нашего вида? Это было бы блестящим решением — правилом номер один для инакомыслящих. Правило номер два: если уж приходится открывать рот — избегай споров.

Деньги и любовь, возможно, и вращают мир, но препирательства с этим миром не сдвинут его с места, если он того не желает. Как сказал британский писатель и христианский апологет Г. К. Честертон: «Логикой истину можно найти лишь тогда, когда ты уже нашел истину без

нее». Честертон хочет сказать, что логика не имеет отношения к истине, ибо если истину можно найти без нее, то логика излишня в любых поисках истины. Его единственный мотив ввести логику в рассуждение — подразнить тех, для кого она весьма значима в отыскании истины, хотя и не той, что питала моральный дух Честертона как христианина.

Известный парадоксальностью своих убеждений, как в приведенном выше случае, Честертон — равно как и всякий, кто способен высказать о человечестве нечто позитивное или двусмысленное — неизменно выходит победителем в крестовом походе за истину. (Ничего парадоксального в этом нет.) Потому, если ваша истина противоречит истине тех, кто сочиняет или приветствует парадоксы, укрепляющие статус-кво, вам было бы разумнее собрать свои аргументы, порвать их на клочки и выбросить в чужое мусорное ведро.

Впрочем, тщетная полемика обладает своей притягательностью и может служить забавным дополнением к горькой радости извержения гневной желчи, личного идолопоклонничества и безудержного пустословия. Чтобы оправдать столь необузданное применение рационального и иррационального (не то чтобы их вообще можно было разделить), настоящий «замысел ужаса» укоренен в тезисе философа, чьи тревожные мысли касались участи быть человеком. Но не стоит заранее раскрывать все карты в этом предисловии к уничижению. Пока достаточно сказать, что упомянутый философ представлял человеческое существование трагедией, которой могло бы не быть, не случись в наших жизнях единственного катастрофического события: эволюции сознания — родителя всех ужасов. Он также изображал человечество как вид противоречивых существ, чье выживание лишь усугубляет их участь — участь мутантов, воплощающих извращенную логику парадокса. Парадокса реального, а не просто неудачной эпиграммы.

Даже беглый обзор темы покажет, что не все парадоксы равны. Некоторые из них — чисто риторические, кажущееся противоречие логике, которое, если им искусно манипулировать, может быть благополучно разрешено в конкретном контексте. Гораздо более интригующими являются те парадоксы, что мучают наши представления о реальности. В литературе сверхъестественного ужаса знакомый сюжет — когда персонаж сталкивается с парадоксом во плоти, так сказать, и либо вступает с ним в схватку, либо гибнет в ужасе перед этой онтологической извращенностью — тем, чего не должно быть, но что все же есть. Самыми известными примерами живого парадокса считается «нежить» — блуждающие трупы, жаждущие вечного присутствия на земле. Но вопрос о том, должно ли их существование длиться вечно или быть прервано ударом кола в сердце, здесь несущественен. Существенно другое — сверхъестественный ужас самой мысли о том, что такие существа могут хотя бы на мгновение существовать вопреки своей невозможности. Другие примеры слияния парадокса и сверхъестественного ужаса — неодушевленные предметы, преступающие через свою природу. Возможно, самым ярким случаем является марионетка, рвущаяся оторваться от своих нитей и ставшая самостоятельно движущейся.

Ненадолго поразмыслим о некоторых особенностях марионеток. Их изготавливают мастера кукол, и оживают они лишь по воле кукловода. Здесь же речь о марионетках, созданных по нашему подобию, хотя никогда не с такой тщательностью, чтобы мы могли принять их за людей. Если бы они были созданы столь искусно, их сходство с нашими мягкими формами стало бы одновременно слишком странным и ужасным — настолько, что никто не решился бы смотреть на них без тревоги.

Поскольку пугать людей не входит в задачи продажи марионеток, их не лепят так филигранно, чтобы их приняли за человека, разве что в полумраке сырого подвала или захламленного чердака. Нам нужно видеть в них именно марионеток. Тем не менее они все равно способны нас ужаснуть. Ведь если взглянуть на куклу определенным образом, мы порой можем почувствовать, что она смотрит в ответ — не так, как смотрит человек, но как смотрит марионетка. И даже потребуется совсем немного, чтобы нам почудилось, что она вот-вот оживет. В эти мгновения легкого потрясения в нас вспыхивает психологический конфликт, диссонанс восприятия, который пронизывает наше существо дрожью сверхъестественного ужаса.

Родственным понятию *сверхъестественного ужаса* является «*зловещее*» (жуткое). Оба термина уместны при описании нечеловеческих форм, наделенных человеческими свойствами, а также при упоминании кажущихся живыми, но не теми, чем кажутся, как нежить — чудовищные создания парадокса, вещи, что одновременно не одно и не другое, или, что еще зловещее и ужаснее, вещи, что оказываются сразу двумя сущностями. Существуют ли подлинные проявления сверхъестественного — неизвестно, но они ужасают нас как идея, поскольку мы уверены, что живем в естественном мире, пусть и наполненным резней, но все же только в физическом, а не в метафизическом смысле. Вот почему мы обычно отождествляем сверхъестественное с ужасом. И ожившая марионетка стала бы олицетворением именно такого ужаса, ибо она отрицала бы все концепции естественного физикализма и утверждала метафизику хаоса и кошмара. Она оставалась бы марионеткой, но марионеткой с разумом и волей — человеческой марионеткой, парадоксом, более разрушительным для рассудка, чем нежить. Но сами они так не думали бы. Человеческие марионетки не могли бы вообще вообразить себя марионетками, когда их напол-

няет сознание, вызывающее непреклонное ощущение своей особой избранности среди всех прочих объектов творения. Стоит лишь начать верить, что ты действуешь сам по себе — что движения и мысли исходят из тебя самого, — как невозможно допустить, что ты более не хозяин самому себе.

Будучи нашим подобием, марионетки не равны нам в этом мире. Они — актеры в своем собственном спектакле, существующем внутри нашего мира и отражающем его. Что же мы видим в этом отражении? Только то, что хотим увидеть, что можем вынести. Через профилактику самообмана мы прячем то, что не хотим допустить до сознания, словно предадим себя страшной для сознания тайне, слишком ужасной, чтобы ее знать. Наши жизни полны необъяснимых вопросов, на некоторые из которых одни осмеливаются ответить, а остальные проходят мимо. Обнаженные обезьяны или воплощенные ангелы — так мы порой себя представляем, но не человеческими марионетками. Мы убеждены, что самостоятельны и свободно перемещаемся и говорим, когда заблагорассудится. И кто посмеет усомниться в этом, будет признан сумасшедшим или тем, кто пытается погрузить других в замысел ужаса.

Как всерьез принимать кукловода, перешедшего на другую сторону?

Когда марионетки заканчивают свое представление, они возвращаются в свои коробки. Они не садятся в кресло, не читают книги, их глаза не перекатываются, как шары, по словам. Они — лишь предметы, подобно трупам в гробу. Если бы они когда-нибудь ожили, наш мир стал бы парадоксом и ужасом, в котором все было бы неопределенным, вплоть до того, что мы сами — лишь человеческие марионетки.

Весь сверхъестественный ужас вырастает из того, чему мы верим, что должно быть и чего не должно быть. Как свидетельствовали ученые, философы и духовные

деятели, наши головы полны иллюзий; вещи, включая человеческие, не являются надежно тем, чем кажутся. Но одно мы знаем наверняка: где граница между естественным и неестественным.

Другое, что мы знаем: природа не совершает столь неуместных ошибок, чтобы позволить вещам, включая человеческие, сбиться на путь сверхъестественного. Если бы она допускала подобные промахи, мы сделали бы все, чтобы похоронить эту мысль. Но нам нет надобности прибегать к таким мерам — мы и так достаточно естественны. Никто не может доказать, что наша жизнь в этом мире — сверхъестественный ужас, и никто не способен внушить нам сомнение в этом. Любой вам это скажет — и прежде всего автор книг, ставящих сверхъестественное, злое и ужасающе парадоксальное как неотъемлемую часть нашей природы.